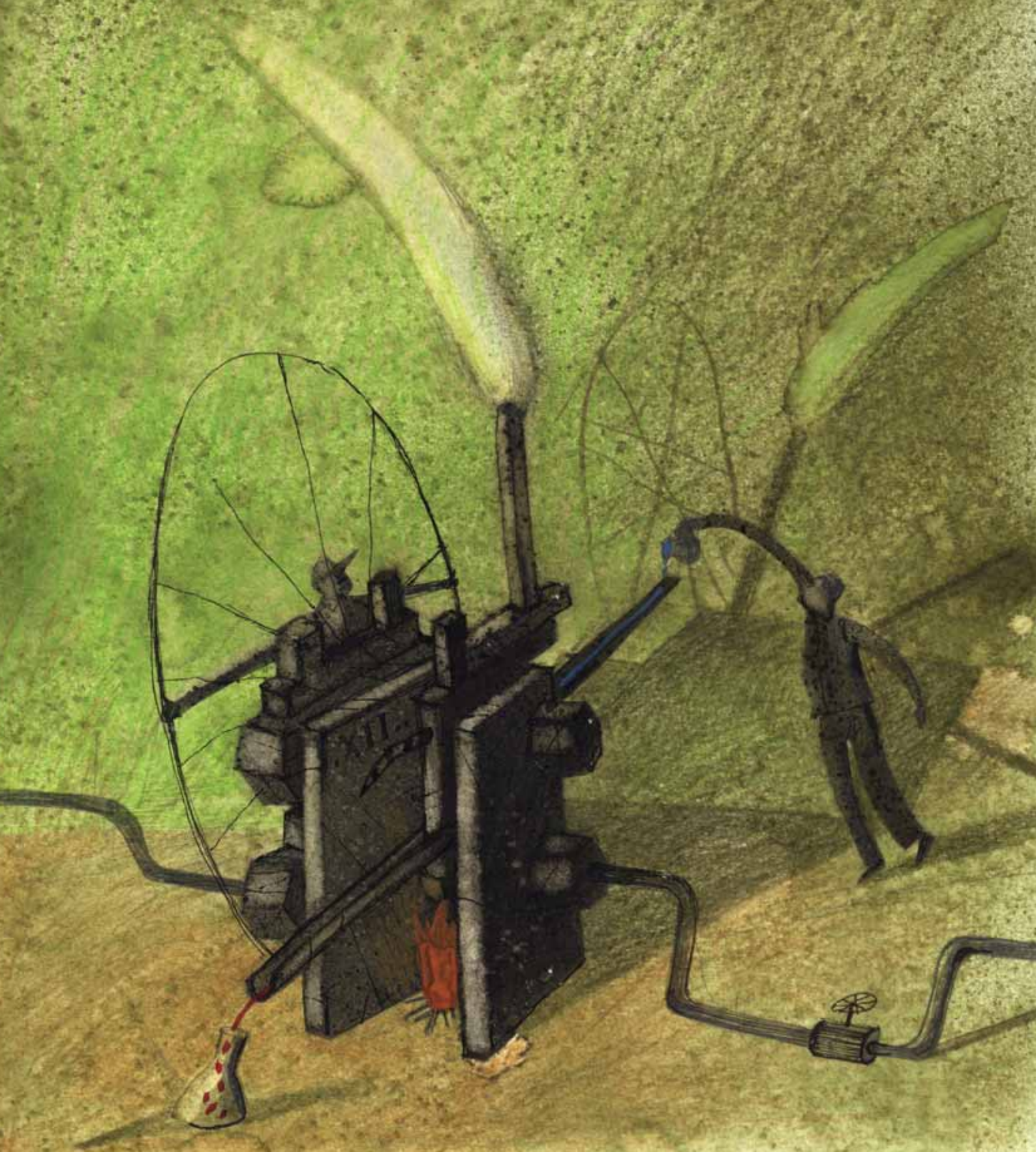

Парадокс Мамкина

— Не может такого быть! — удивился профессор. — Это что, программа?

— Да, Валентин Дмитриевич, это всего лишь моя разговаривающая программа. Вот только разговаривает она не голосом, а текстом на экране.

— А у меня была полная уверенность, что я переписываюсь с живым человеком. Нет, погодите... но она же задавала вопросы!

— Она просто перефразировала ваши высказывания.

— Вы шутите! Ну а эта ее фраза: «Вы считаете, что все может быть познано наукой?» Это же глубокая философская мысль. Я не задавал себе такого вопроса.

— Да нет, профессор, она просто переставила ваши слова из предыдущей фразы и построила вопрос. Вы подумали, а программа прекрасно знает, где существительное, где глагол, как построить вопросительное предложение или как сделать предположение. Повторяю, она не думает, думаете только вы.

— Здорово, эффективно!

— Видите, оказывается, можно разговаривать, при том не думая. Это лишь имитация умственной деятельности. Пытаясь воспроизвести человека, мы скользим по поверхности и имитируем лишь одну из его оболочек, не затрагивая его сути — души.

— Да, тут вы, наверное, правы... Но я пришел к вам, Сергей Николаевич, по делу, причем довольно щепетильному. — Профессор отодвинулся от монитора и жестом пригласил собеседника сесть. — Вы известны в институте как человек аналитического ума, что еще раз доказали сегодня, и исключительно порядочный.

— Спасибо.

— Ну чего вы усмехаетесь, я говорю искренне. А тут, понимаете... С одной стороны, вы не посторонний и не выметете сор из избы, а с другой — не член коллектива нашей кафедры, а значит, не заинтересованы в том или ином исходе. Поэтому я решил обратиться за помощью именно к вам. Однако прежде чем изложить суть дела, хотел бы заручиться вашим согласием, а именно: посвятить этому вопросу неделю-другую (с вашим руководством я договорюсь) и, главное, соблюдать конфиденциальность, так как это дело я не могу назвать иначе как расследованием.

— Вы меня заинтриговали. Но я же не следователь, я — программист. Полагаете, смогу помочь?

— Итак, если вы согласны, — кивнул профессор, — я начинаю. На кафедре оргсинтеза, которой, как вы знаете, я имею честь руководить, произошел скандал, и он может оказаться проблемой не только нашей кафедры. Некий молодой ученый Мамкин опубликовал непроверенные данные. К нам посыпались письма возмущенных оппонентов. Они сообщают, что в указанных условиях эксперимент не воспроизводится. Мы провели проверку и убедились, что эта реакция действительно не идет.

Сергей Николаевич пожал плечами:

— И что за проблема? Надо опубликовать другую статью, где и описать действительное положение вещей.

— Казалось бы, именно так, но... — Профессор кашлянул в кулак. — Понимаете, Мамкин представил нам продукт той самой реакции, состав которого подтвержден анализами.

— Откуда же он взял продукт реакции, если реакция не идет?

— Он утверждает, что синтезировал его по этой реакции. Вот так. — И профессор развел руками.

— А можно ли синтезировать его другим методом?

— Другого метода синтеза этого продукта я не знаю. Но вот что еще: продукт довольно интересный, как и сама реакция. До сих пор мы считали, что такого типа реакции не идут. Если же это возможно, то она могла бы открыть путь к семейству очень интересных производных. Это была бы маленькая революция в химии азотистых гетероциклов. Именно поэтому статья вызвала такой интерес и такое, мда, возмущение.

— То есть задача состоит в том, чтобы выяснить, действительно ли Мамкин провел эту реакцию, и если это так, то почему другие не могут ее воспроизвести?

— Именно. Правда, есть еще один аспект. Но с ним вас познакомит мой заместитель Наталья Сергеевна. Думаю, так будет лучше. Жду вас завтра на кафедре после десяти.

Первый визит Сергей Потапов нанес научному секретарю кафедры Наталье Сергеевне Никандровой, чья рабочая комната походила скорее на медицинский кабинет, чем на химическую лабораторию: все безукоризненно чисто, разложено по своим местам. Никандрова сказала буквально следующее:

— Уважаемый Сергей Николаевич, наша кафедра уже шесть лет занимается изучением тиофильных производных. Эту тему начал наш профессор Владимиров. Именно он доказал, что нуклеофильное замещение по тиофильной группе в принципе невозможно. Это подтверждено сотнями экспериментов, это фундамент теории тиофильной группы. И вот сегодня какой-то мэнээс замывается на наши святыни. Лично я не нуждаюсь ни в каком расследовании, мне все ясно и так. А вот другим надо наглядно показать, насколько низко может пасть ученый, подтасовывая факты. Поэтому вы должны найти доказательства его вины. Мотивы-то очевидны: производные тиофильной группы проявляют значительную биологическую активность и могут служить основой для сильных лекарственных препаратов, что подтвердили коллеги с кафедры биохимии. Это сулит большие деньги. Видимо, среди нас еще есть такие, кто ради выгоды...

Сергей уже все понял и дальнейшее слушал вполуха, а дослушав и вежливо простившись, отправился к, так сказать, герою этого детектива — Мамкину. В комнате под

номером 37 трудились четверо сотрудников, но повернулся к нему только один.

— Вы, видимо, ко мне? Да, я Мамкин.

— Как вы догадались?

— У нас редко бывают посторонние. Очевидно, Владимиров пригласил вас, чтобы разобраться в моем вопросе. Алексей, — назвал он себя и, улыбнувшись, протянул большую руку.

Сергею он понравился, хотя, понятно, это еще ничего не решало.

— Садитесь вот сюда, за стол, — указал Мамкин, — здесь обычно сидит мой шеф, когда приходит ко мне. Вы, наверное, хотите спросить про ту самую реакцию? Спрашивайте, я все расскажу, мне и самому хочется разобраться, а то меня тут чуть ли не в жулики записали.

— А вы, стало быть, не жулик? — Потапов нарочно задал не совсем тактичный вопрос, чтобы посмотреть на реакцию Мамкина. Но тот ничуть не смутился.

— Я просто описал то, что сделал. Где тут обман?

— А почему в Интернете опубликовали?

— Вы уже разговаривали с Никандровой? Наверняка разговаривали. Значит, знаете, какова у нас линия руководства. Ну кто бы мне дал публиковать такую статью! Ведь доказано, что нуклеофильное замещение по тиофильной группе не идет — и баста. А тут какой-то мелкий научный сотрудник решил поспорить с отечественной наукой. Но ведь все правда. Может, и не стоило публиковать... Впрочем, нет, стоило.

— Но если реакция не идет, то как она могла пойти у вас?

— Ну вот, и вы тоже!

— Что я?

— Поддаетесь гипнозу общественного мнения. Если все говорят, что не идет, — значит, не идет.

— Уточним: не «говорят», а есть результаты экспериментов, причем не одного, сотен.

— Результаты есть, но о чем они свидетельствуют? Ни о чем. Вот, к примеру, такой эксперимент. Вы идете по улице, заходите в случайную дверь, допустим, вон в ту — видите здание напротив? — и проверяете сто первых попавшихся человек, какого они пола. После этой проверки вы должны сделать вывод, что все люди на Земле мужского пола.

— Почему?

— Потому что это артиллерийское училище. Вот вам и эксперимент. А ведь кажется, что все правильно: случайная дверь, случайная выборка людей. И совершенно неверный результат.

— То есть вы хотите сказать... что эта реакция может идти?

— Но ведь у меня она получилась.

— Ну а почему у других она не идет?

— Вот в этом-то и вопрос. Я все точно описал, все условия, все анализы. Я и подумать не мог, что она не воспроизведется.

— А вы сколько раз ее проводили?

— В четырех разных растворителях, при трех температурах с тремя заместителями, и как минимум тридцать шесть раз. Так ведь в статье все это есть — вы что, не читали?

— Я не химик, я программист.

— А-а...

— Ладно. Так вы считаете, что эту реакцию неправильно воспроизводили?

— Честно скажу: не знаю. За свои действия я отвечаю, а почему у них не воспроизводится... не знаю. — И Мамкин удивленно развел руками.

Потапов встал, покивал.

— Что ж, будем разбираться. А кто ваш непосредственный шеф, кстати?

— Самуил Аркадьевич. Он через две комнаты, в тридцать девятой

Шеф Мамкина опять же произвел хорошее впечатление.

— Заходите, заходите, меня уже предупредила Наталья Сергеевна... Ну что вам сказать? Парень с головой, с руками, но немного недотепа. Сами посудите: ему тридцать шесть, а он все не защищается. Я ему говорю, сходи к завкафедрой, попроси, а он — нет. Вот так... Конечно, эту работу он делал не по теме, в общем, самовольно.

— А что, действительно доказано, что та реакция не идет в принципе?

— О, молодой человек, вы не химик!

— Верно. Я программист.

— Ну ничего, я объясню. Смотрите, вот тиофильная группа, — он начал рисовать формулы на листе бумаги, — вот этот атом, второй атом углерода, — это центр нуклеофильной атаки, то есть, проще говоря, реагент мог бы подойти только сюда, но заметьте, мог бы, если бы не было вот этих двух, посмотрите, таких больших заместителей. Они очень большие и полностью закрывают этот бедный атом углерода, короче, не дают подойти к нему. То есть, образно говоря, девушка готова замуж, но стражники не пускают к ней. Да, знаю, можно обмануть стражников. Наверно, можно, но когда бы это у кого получилось! А раз не получилось...

— Но ведь у Мамкина получилось.

— Вы знаете, молодой человек, чем отличается химия от программирования? В химии никто никому не верит на слово. Ни за что! Если вы поставили опыт, то должны его точно описать, и вам поверят лишь тогда, когда повторят этот опыт в тех же, заметьте, описанных вами условиях и получат тот же результат. Опыт Мамкина не воспроизводится. И что вы тогда хотите?

— Однако такая установка не позволяет изучать изменчивые явления. Кажется, Конфуций сказал, что нельзя войти в одну реку дважды. Так мы можем познавать только застывшие вещи. То есть получается, что химия основана на недоверии.

— Извините, но как же еще может быть?

— Я задам вам встречный вопрос. Если я сфотографирую небо, опубликую фотографию, а вы не сможете ее воспроизвести, потому что небо будет уже другим, то вы скажете, что это ненаучно, и не поверите? Вот об этом недоверии и я говорю.

— Что делать, что делать! Такова наука, мы не умеем изучать природу по-другому.

— Ну а сам продукт этой реакции, что он собой представляет? Я слышал, он может оказаться перспективным.

— Перспективным — не то слово! Он мог бы стать лекарственным препаратом. Успешные испытания на кафедре биохимии кое-что значат. Профессор Владимиров в течение нескольких лет пытался его получить. И — ничего. А теперь представьте его чувства, когда он узнал, что это вещество получено в одиночку тридцатишестилетним недотепой без степени, и получено, можно сказать, кустарным способом, да еще самовольно, не по утвержденной программе.

— Это последнее многое значит?

— Значит. Еще как значит!

Кафедра биохимии оказалась достаточно далеко, в другом здании, и была на удивление небольшой — всего две комна-

ты. В одной из них, маленькой, стоял телефон, по которому разговаривал мужчина в резиновых перчатках.

— Я хотел спросить у вас вот про этот препарат, — обратился к нему, представившись, Потапов, когда тот закончил разговор. И развернул сложенный клочок бумаги. — Вот прочтите, мне не повторить его название.

— Да, мы работали с таким препаратом, но потом перестали.

— Перестали — почему?

— Очень дорогой. Мы выделяли его из экстракта некоторых растений, но с очень низким выходом. Процесс совершенно не технологичный. Хотя препарат перспективный.

— А что можно сказать о его свойствах?

— Он может использоваться как сильное успокаивающее средство. Если бы найти сравнительно дешевый способ его получения... Увы, все наши попытки не дали удовлетворительного результата. Отсутствие приемлемого способа выделения — это единственное препятствие. А сам препарат замечательный.

— На нем можно заработать большие деньги?

— Безусловно. А почему вы спрашиваете?

— Дело в том, что некто Мамкин утверждает, что синтезировал его.

— А, Алексей! Знаю, знаю. Неужели все-таки синтезировал? Отличный парень. Он частенько сюда заходил.

— Скажите, а у вас есть в наличии этот препарат?

— Конечно. Правда, совсем немного.

— А Мамкин мог его у вас взять?

— Не только мог, но и брал. Он снимал с него инфракрасный спектр.

— А мне вы могли бы дать его?

— Э... Поскольку вы не наш сотрудник, а препарат очень дорогой, то вам придется взять разрешение у завкафедрой.

— А Мамкин тоже брал такое разрешение?

— Нет. Ведь Мамкин непосредственно работает с ним.

За ужином Потапов ел без аппетита.

— Ну и о чем ты все думаешь? — спросила его Света.

— Извини, — спохватился Сергей. — Как у тебя — все готово?

— Все. Развесила, осветила и ушла. Работа закончена. Может, мне завтра вообще туда не ходить?

— То есть как не ходить! Ты же там самая главная.

— Да нет, — улыбнулась жена, — теперь главные они — мои мальчишки, старики, беженцы. Теперь они будут работать.

— Но ведь завтра придут люди, будут смотреть на твой полотно, критиковать.

— Мое дело сказать, и я сказала. А их дело услышать. Услышат или нет, это уже от меня не зависит, это зависит от них. Ладно... А вот ты-то чего такой взъерошенный?

— Да вот все не идет из головы этот Мамкин. Получается, что он мог взять продукт с кафедры биохимии и выдать его за свой. Но тогда... тогда он должен скрывать свою связь с этой кафедрой. Так?

— Если хочешь его проверить, принеси ему этот порошок. Якобы с кафедры биохимии. Как он отреагирует? Если твой Мамкин мухлюет, то наверняка будет смущен, начнет юлить, оправдываться.

— Это мысль. Только где его взять?

Часть коридора была уже темной, рабочий день закончился. Но 37-ю комнату Потапов отыскал.

ФАНТАСТИКА

— Я встре-ети-ил ва-ас, и все-е былое... — довольно громко пел Мамкин. Он стоял у тяги, погрузив в нее руки, и что-то там поворачивал. В комнате больше ни души.

— А вы неплохо поете! Здравствуйте, кстати.

— О, привет, проходите! — Мамкин совершенно не смутился из-за того, что его пение услышал посторонний. — Сотрудники не возражают, а у меня работа лучше спорится, когда пою. Когда-то пел в студенческом хоре, а сейчас вот мурлычу иногда.

— Работа лучше спорится? В этом что-то есть. А почему в коридоре темно?

— Когда все уходят, выключают свет.

— Вы часто так задерживаетесь?

— Да, бывает.

Потапов заглянул в вытяжной шкаф. В каждой из трех секций был собран стеклянный прибор, и в каждом что-то происходило. В одном позвякивало, в другом капало, а в третьем вообще вертелась сама колба.

— А почему вы не защищаетесь? Материала не хватает?

— Да нет, материал есть. Но знаете, не нравится мне вся эта кухня.

— Что вы имеете в виду?

— Чтобы защититься, надо расталкивать друзей локтями, надо эксплуатировать студентов. Это не по мне. А то, что суждено открыть, я и так открою, беззащитный.

— Ну да, ну да, — покивал Потапов. — Э, вот, кстати. Тут на кафедре биохимии мне дали этот продукт. Такой же, как вы получили. Для анализа. Они, биохимики, оказывается, выделяют его из растительного экстракта.

— Это вам дали на их кафедре? Не может быть!

— Почему?

— Бюкс без этикетки. Они не могли так дать. Для химика склянка с веществом без этикетки — это преступление.

— Ну почему же? Ведь они мне сказали, что там находится.

— Химик, если он действительно химик, никогда не оставит склянку без этикетки или не наклеит неправильную. Самое страшное — это неправда. Но и само вещество, видимо, не то, — после паузы произнес Мамкин, взяв у Потапова бюкс и поворачивая его.

— Да? Вы так думаете?

— Уж очень белые кристаллы. Вещества органического происхождения такими не бывают. Да и плотные они, кажется. Смотрите, как пересыпаются. Скорее всего, это минеральная соль, что-то вроде хлористого кальция или натрия. Вы не на кухне ее взяли?

Потапов улыбнулся:

— Ну что ж, придется признать, что мой розыгрыш не удался. Это действительно соль.

— Это вы напрасно, — без обиды сказал Мамкин. — Я вовсе не скрываю, что брал продукт на кафедре биохимии. Надо же было сравнить спектры!

— И как, совпадают?

— Ну, природные вещества всегда немного отличаются от синтетических, но в основном — да, строение вещества доказано. А вы всерьез думали, что можно вот так всех обмануть, выдав чужое вещество за свое?

— А почему нет?

— Во-первых, это неэтично. Во-вторых, это сразу раскроется, стоит только попытаться воспроизвести. Хотя, да, ведь как раз воспроизведение опыта и не удастся. Так что же получается: я обманщик? Ну, хотите, я при вас проведу эту реакцию и вы сами все увидите?

— Вы можете дать мне ваш продукт, чтобы еще раз убедиться в его подлинности?

— Конечно. А как вы убедитесь?

— Надо провести анализы. Я сам точно не знаю. Наталья Сергеевна просила.

— Ах, Наталья Сергеевна! Опять что-то задумала.

— Почему вы так говорите?

— Знаете, есть люди, которые работают, а есть те, кто плетет интриги. Вы когда-нибудь видели ее за работой?

— Я ее вообще видел лишь однажды.

Мамкин открыл дверцу стенового шкафчика, протянул туда руку — и...

— Что такое? Я же его сюда ставил!

Потапов тоже заглянул в шкафчик:

— Действительно нет. Может быть, где-то в другом месте?

— Да не может он быть в другом месте!.. Тут его место...

«Странно, — подумал Потапов, выйдя в коридор. — С одной стороны, Мамкин теперь не может предъявить продукт своей реакции как доказательство, а с другой — ему может быть выгодно пропажа, так как, если продукт не его, то теперь этого не докажешь».

Комната физико-химического анализа была заставлена огромными железными приборами с самописцами. Маленький стол доктора химических наук Муравьева, руководителя группы, ютился у окна. Потапов с трудом разминулся с лаборанткой в узком проходе.

— Здравствуйте, Константин Иванович.

— Вы ко мне? — обернулся Муравьев. — Здравствуйте. Присаживайтесь вот сюда, извините за тесноту. Чем могу быть полезен?

— Хочу с вами проконсультироваться. А что, если Мамкин действительно провел эту реакцию? Тогда надо ответить, почему она не воспроизводится у других в тех же самых условиях. Я искал, чем же отличается эксперимент Мамкина от других, и, кажется, нашел. Мамкин поет.

— Что значит, поет?

— Он поет, когда работает. Во всяком случае, других отличий нет. Как вы считаете, может ли пение способствовать ходу реакции? Ведь акустические колебания, без сомнения, воздействуют на молекулы. А если именно это и заставляет реакцию идти?

— Должен вас разочаровать: частоты совершенно разные.

— Какие частоты?

— Как я понял, ваша идея заключается в том, что акустические колебания могут резонировать с колебаниями молекулы или ее частей, правильно? Так вот, частоты колебаний молекулы несоизмеримы с акустическими частотами. Разве что с очень высокими гармониками, но их амплитуда резко падает. Но даже если бы и существовало такое поле, то как оно могло сделать молекулу восприимчивой?

— Самуил Аркадьевич говорил, что центр атаки закрыт дву-

мя объемными заместителями. Как будто стражники охраняют вход. Можно ли обмануть стражников?

— Обмануть? А что, это мысль. Знаете, как обманывают стражников? Кидают камушек в сторону, стражник отворачивается, и тогда... Да, это мысль. Если заместители одновременно повернутся вокруг связи углерод-углерод, тогда проход откроется. Вот только как это сделать? Давайте-ка прикинем, какова может быть резонансная частота вращения. — Муравьев открыл справочник, выписал несколько цифр на лист бумаги и хмыкнул: — Нет, вряд ли мы сможем как-то их повернуть. А что касается пения, то оно тут точно не поможет.

— Жаль. А что поможет?

— Нужно определенное поле, но у нас нет таких приборов, чтобы его создать.

— А сам человек мог бы его создать?

— Человек? Создать поле? Вряд ли.

— Ну что ж, спасибо. Будем думать дальше. А идея была хорошая.

— Вы к Мамкину? Так он на репетиции, — встретила Потапова лаборантка Маша.

— Не понял. На репетиции?

— Ну да. Он у нас капустник делает к празднику. Минут через пятнадцать вернется. А вы садитесь, подождите. — И продолжила после паузы: — Что я хотела вам сказать. В общем, не мог он обмануть. Не такой он человек.

— Не такой? А какой?

— Честный. Он лучше сам пострадает, чем другого обманет. Ну скажи, Вадим!

— Да, — откликнулся присутствующий тут молодой человек, — это правда. И голова светлая. Он постоянно что-то изобретает, что-то выдумывает, и все пользуются его идеями.

— И он отзывчивый! — горячо добавила Маша.

— А почему же он до сих пор не защитился, если такой изобретатель? — усмехнулся Потапов.

— Чтобы защититься, мало одного ума, — пробурчал Вадим.

— И кроме того, не любят его, — сказала Маша.

— Не любят? Но ведь вы же сами говорили, что он всегда готов помочь. Как не любить такого человека?

— Я имею в виду руководство.

— И за что же оно Мамкина не любит?

— Повторяю, он честный.

— Да, — вступил в разговор Вадим, — оказывается, иногда это вредно... для карьеры. Вот посмотрите, на стенке висят его авторские. Что вы видите?

— Ну, много красивых листков, — ответил Потапов, — и все принадлежит Мамкину.

— Надо было спросить, чего вы не видите. Вы не видите ни одной фамилии руководителя.

— Но там есть и соавторы!

— Это те, кто работал вместе с ним. А начальства нет. Потому что Мамкин честный: тех, кто участвовал, он включал, а тех, кто не участвовал... Вот и не любят.

— Однако в его статьях, — не сдавался Потапов, — помимо прочих авторов, я видел и фамилию завкафедры, причем самой последней.

— Статьи отсылает руководство. Если там не будет соответствующих фамилий, то не будет и статьи. Может быть, поэтому Мамкин и опубликовал свои данные в Интернете. А что касается того, что фамилия завкафедры

последняя, это знают все химики. Существует строгий порядок расстановки фамилий авторов. Сначала идет самый младший исполнитель, потом тот, кто ему помог, потом научный руководитель, а в самом конце — руководство. Хотя последний иногда даже плохо представляет, о чем эта статья. Однако число его публикаций растет, а это важный показатель при назначении на новую высокую должность, для присвоения звания и так далее.

— Хочу с вами проконсультироваться, Наталья Сергеевна, — сразу с порога Потапов пошел в атаку.

— Ой, вы меня напугали! — Она обернулась и, встав из-за стола, поспешно закрыла какую-то книгу. — Как продвигается ваше расследование?

— Пока нет никаких доводов в пользу утверждения, что Мамкин действительно сам провел эту реакцию.

— Я так и знала. И какой у вас вопрос?

— Скажите, как химики хранят вещества? Какие существуют правила? Вот вы, например, где храните ваши продукты?

Наталья Сергеевна на мгновение замялась.

— Ну... правила простые. — Она открыла настенный шкафчик, такой же, как у Мамкина. — Обычно безопасные вещества просто стоят на полке в бюксах с притертой пробкой. По технике безопасности на дверце шкафа должна быть опись всех веществ.

— То есть если вы поставили в шкаф новое вещество, то должны указать его вот в этой описи?

— Именно так.

Потапов посмотрел на лист, прикрепленный к дверце шкафчика с внутренней стороны. Бумага выглядела старой — очевидно, сюда давно не добавляли новых записей.

— А если вещества опасные? Вы сказали, если вещества безопасные, то они стоят здесь, а если опасные? И кстати, какие вещества опасные?

— Опасные... ну, это яды, тогда их хранят в сейфе, а если они пахучие, то в тяге.

В углу комнаты действительно стоял небольшой сейф.

— Не могу поверить, что у привлекательной женщины в сейфе лежит страшный яд.

— Нет, яд, конечно, там не лежит, — улыбнулась Наталья Сергеевна.

— Тогда мне ничего не грозит. Вы позволите взглянуть?

— Конечно, да, вот только ключ... Кажется, я оставила его в другой сумочке.

— Тогда еще один вопрос. Где выключается свет в коридоре?

— На щитке около препаратной.

— Там же, где висят ключи от комнат? Ну да. А кто обычно выключает свет по вечерам?

— Да откуда мне знать? Наверное, дежурный. А зачем вам это?

— Дело в том, что Мамкин часто задерживается допоздна. Он говорит, что когда все уходят домой, то гасят свет в коридоре, чтобы показать, что в комнатах никого нет. А позавчера, когда я решил зайти к нему, но не застал, свет горел. Я прошел по всем комнатам, и никого не было.

— Да? — растерялась Наталья Сергеевна.

— Я думаю, кто-то вернулся, зажег свет, но не вспомнил или вовсе не знал, что его надо погасить. Это мог быть человек, который никогда не задерживается после работы и не в курсе о таком порядке. А вчера Мамкин обнаружил пропажу продукта. Помните, вы мне посоветовали взять у него этот продукт для анализа?

ФАНТАСТИКА

— А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Думал, может, вы знаете.

Как Потапов ни торопился, он все же опоздал к началу профсоюзного собрания, на котором планировалось обсуждение дела Мамкина. Хотя какое отношение к этому имеет профсоюз, было непонятно. В общем, финал обсуждения вышел таким:

— ...И поэтому я считаю поведение Мамкина недостойным! — горячо заключила выступление молоденькая сотрудница кафедры и посмотрела на Наталью Сергеевну, сидевшую в президиуме. Та кивнула и спокойно сказала:

— Ну что ж, если вопросов нет, приступим к голосованию. Кто за то, чтобы...

— Есть вопрос! — перебил ее из зала Вадим. — Граждане ученые, ну сколько же мы будем молчать?

— Это и есть ваш вопрос? — усмехнулась Наталья Сергеевна.

— Нет, мой вопрос в том, что, собственно, сделал Мамкин предосудительного или недостойного? То, что он опубликовал свою статью нетрадиционным для нас способом? Так на это имеет право каждый гражданин. Или то, что он провел реакцию, которую другие провести не могут?

— Для вас специально повторю, — подчеркнуто выговаривая каждое слово, произнесла Наталья Сергеевна: — Мамкин заявил, что провел реакцию, которая, во-первых, в принципе проходить не может и, во-вторых, не воспроизводится другими экспериментаторами. Вам этого недостаточно?

— Насколько я знаю, в этом вопросе поручено разобраться Потапову, пусть он и скажет, — спокойно ответил Вадим.

Потапов поднялся, вышел вперед. Посмотрел на Мамкина. Тот сидел в первом ряду, понурился. Аргументов в его защиту у Потапова не было, только какое-то предчувствие.

— Коллеги, сегодня я пока не могу сказать, действительно ли Мамкин провел эту реакцию. Нужно проанализировать еще некоторые факты, прежде чем я сделаю какое-либо заключение.

— Вот видите! — опять подал голос Вадим. — Так почему бы нам не дождаться результатов?

— Да потому, что жулик ваш Мамкин! — не выдержала Наталья Сергеевна. — Он опозорил нашу кафедру! А вам, — обратилась она к Потапову, — какие еще нужны доказательства? Чего еще не хватает? Может быть, вы хотите увидеть, как эта реакция не получится у самого Мамкина? Вас это убедит?

— А действительно, Алексей, — подумав, сказал Потапов, — вы ведь говорили мне, что можете воспроизвести эту реакцию. Если бы на наших глазах вы получили искомым продукт, то тогда... никаких сомнений. Идет? Прямо сейчас?

Мамкин встал, кашлянул.

— Что ж, можно и сейчас.

Прозвучало это спокойно, но не слишком уверенно...

Какое-то время ушло на то, чтобы переместиться в комнату Мамкина. Вокруг его рабочего места пространства хватило лишь шестерым. Остальные сгрудились по ту сторону большого лабораторного стола, разделявшего комнату. Потапов и Наталья Сергеевна, конечно, были рядом с героем.

Мамкин укрепил в штативе трехгорлую колбу, настроил мешалку, вставил термометр, взял капельную воронку, но воронка неожиданно выскользнула и, упав на кафельную плитку вытяжного шкафа, разбилась вдребезги. Мамкин вздохнул, собрал осколки, полез в шкаф за другой.

— Если все пойдет нормально, а я в этом уверен, то минут через пятнадцать после того, как дозировка будет закончена, в колбе должен появиться белый осадок, — пояснил Потапову Вадим. — Тогда мы его отфильтруем, и дело сделано.

Мамкин приоткрыл кран капельной воронки и, периодически поглядывая на термометр, начал дозировку. Потапов посмотрел на часы. Все затихли. Был слышен лишь равномерный стрекот мешалки. Так прошло тридцать минут. Жидкость в колбе оставалась совершенно прозрачной. Мамкин решительно выключил мешалку, снял колбу и вылил содержимое в раковину.

— Ну вот видите!.. — начала была Наталья Сергеевна, но осеклась под тяжелым взглядом Вадима.

В абсолютной тишине, не глядя друг на друга, сотрудники вышли из комнаты.

Улица, упоительно свежо. После душного помещения даже настроение стало лучше.

— Хорошо, что мы убежали с банкета. Там состояние совсем не то. — Света раскинула руки и закружилась.

— Что значит — не то?

— Стрелка направлена не в ту сторону. Не от себя, а к себе.

— Что еще за стрелка?

— Когда создаешь, стрелка должна быть направлена от себя. То есть создавать надо для других. А если стрелка к себе, то ничего путного не получится. А там, — жена кивнула на салон, — там все для себя: похвалы, угощения, вино. Так можно и привыкнуть.

— И тем не менее я, честно говоря, не ожидал такого успеха. Эти твои беженцы, это же просто роман. Как тебе удалось маленькими черточками рассказать судьбу этих людей? Ты научилась видеть человека.

— Наверное, все дело в душе. Доброта спасет мир.

— Доброта? Было сказано — красота.

— Это одно и то же. Красота не может быть не доброй. Это закон. А доброта может все.

— Может все? Интересно. А может ли доброта заставить идти химическую реакцию, которая не идет в принципе?

— Ты о чем?

— Слушай, Светка, хочешь авантюру? У меня гениальная идея! Поехали в институт, если, конечно, там еще кто-то есть.

Наталья Сергеевна решительно отодвинула стул и заговорила из зала:

— Я уж не пойду на трибуну, я отсюда. Итак, господа, надо что-то решать. Писем становится все больше, и этот вопрос уже выходит за рамки кафедры и, может быть, даже института. После того как младший научный сотрудник Мамкин самовольно, да, я подчеркиваю, самовольно, то есть без одобрения руководства, опубликовал результаты своих опы-

тов в Интернете, к нам посыпалась куча гневных писем с опровержениями. Стоит ли напоминать, что эти, с позволения сказать, результаты не только не воспроизводятся в других лабораториях, но и противоречат общепризнанным научным канонам, которые заложены в фундаментальных работах нашей кафедры, в особенности в работах Валентина Дмитриевича. Ведь именно он давно доказал, что тиофильная группа в принципе не способна к реакциям нуклеофильного замещения.

— Ну, что касается моих работ... — задумчиво начал профессор, сидевший в президиуме, — то, кажется, академик Ананьев сказал, что величина ученого определяется тем, насколько он задержал развитие науки. Думаю, не надо объяснять, что речь о тех, кто упрямо держится своих давних концепций и отвергает все новое, что им противоречит. Так вот, — добавил профессор после паузы, — я не хочу задерживать развитие науки.

— Вот поэтому подобные исследования прекращены! — ничуть не смутившись, продолжила Наталья Сергеевна. — Но такого позора мы не переживали никогда. Это так оставлять нельзя. Надо принимать какое-то решение.

— Ну что ж, теперь давайте слушаем результаты экспертной комиссии, — сказал профессор, по привычке поигрывая карандашом. — Вы готовы, Сергей Николаевич?

Потапов подошел к трибуне и достал из портфеля несколько листов бумаги. Профессор положил карандаш. Наталья Сергеевна отвернулась к стене.

— Итак, Алексей Мамкин утверждает, что провел реакцию нуклеофильного замещения по тиофильной группе. Должен сказать, что попытки воспроизвести реакцию в различных условиях не увенчались успехом. Тем не менее я исходил из предположения, что Мамкин действительно провел эту реакцию. Поскольку у других этот процесс не идет, причем условия те же, значит, подумал я, дело в самом Мамкине. И тогда я задал себе вопрос: а чем, собственно, Мамкин отличается от других?

В зале зашушукались, какая-то девица рассмеялась.

— Единственное видимое отличие, которое я обнаружил, — продолжил Потапов, — это то, что Мамкин поет во время работы. Однако доктор Муравьев утверждает, что акустическое воздействие не может изменить ход реакции. Возможно, существуют другие отличия. И тут мне неожиданно помогла моя жена. Она, видите ли, художник и воспринимает мир несколько по-иному. Но прежде я хотел бы задать вам один маленький вопрос. Скажите, Мамкин добрый человек или злой? Давайте начнем с младших научных сотрудников. Вот вы, Маша, как считаете?

— Ну, конечно, добрый. И сомнений нет.

— А вы, Наталья Сергеевна?

— Право, я не понимаю, какое отношение это имеет к науке? Добрый, не добрый — какая разница?

— Я с удовольствием объясню, но после того, как вы выскажете свое мнение, — кивнул Потапов.

— Ну, злым, конечно, его не назовешь...

— Правильно! Такое же мнение я неоднократно слышал и от других сотрудников. А теперь вот что сказала моя жена, художник. Она сказала, что доброта может все.

Теперь зал загудел.

— Так уж и все? — возвысил голос кто-то.

— Тише, тише, господа! — поднял руку Потапов. — Я вовсе не хочу проповедовать идеализм, я прекрасно знаю, что все вы ученые, материалисты, как и я, поэтому мое доказательство будет исключительно материалистическим... Есть мне

ние, что тиофильная группа может быть, на вашем жаргоне, раскачана и тогда ворота для атаки открыты. Но это теоретически. Мы установили, что пока не можем подобрать такого воздействия на эту группу, которое способно ее раскачать. Акустические колебания не подходят, поэтому пение Мамкина никакой роли вроде бы не играет. Вроде бы... Потому что потом мне в голову пришла такая мысль. А только ли акустические колебания создает человек, когда поет? Ведь пение — не просто звук, а еще и определенное состояние души. Светлое состояние, доброе. А что, если это состояние генерирует некие волны, которые и раскачивают молекулу?... Вот вы только что сказали, что Мамкин человек добрый. Значит, у него это состояние может быть выражено более ярко, значит, эти гипотетические волны у него могут быть сильнее, значит, их частота может быть другой... или что-то еще, чего мы пока не знаем. Во всяком случае, другого объяснения парадокса Мамкина я предложить не могу.

— То есть вы призываете меня поверить, — громко заговорила Наталья Сергеевна, — что какое-то настроение или какая-то доброта может заставить химическую реакцию идти в другом направлении? Извините, абсурд! Ну ладно, здесь все ясно, а вот с этим, с этим-то что прикажете делать? — Она потрясла грудой бумаг. — Вся научная общественность возмущена. Вот послушайте!

— Наталья Сергеевна, может быть, уже не надо? — попытался возразить профессор.

— Нет, я прочитаю! Вот, пожалуйста, уже и до Америки докатилось. Это из Массачусетского технологического института, только сегодня получили по электронной почте, я еще не успела прочесть... Значит, перевожу: «Мистер Мамкин! Ознакомившись с результатами ваших экспериментов, нам удалось воспроизвести... — тут Наталья Сергеевна замялась, но затем продолжила чтение, хотя явно изменившимся голосом, — воспроизвести вашу реакцию нуклеофильного замещения по тиофильной группе, используя высокочастотное возбуждение молекулы на приборе биомагнитного резонанса. Мы знаем, что в вашем институте нет подобного прибора, способного произвести раскачку молекулы, поэтому мы пришли к выводу, что ваш поразительный результат есть следствие вашего личного воздействия на ход процесса. Это предположение подтверждается последними данными Гарвардской лаборатории биофизических исследований, которые показали, что частота биоизлучений человеческого мозга может находиться в диапазоне, близком к частоте возбуждения тиофильной группы». — Наталья Сергеевна прикрыла глаза и медленно опустила лист на стол.

— Ну-ну, а дальше? — крикнул из зала Вадим. — Ведь это явно не все. Уж почитайте, пожалуйста.

Совсем посеревшая, Наталья Сергеевна вновь уставилась в бумагу.

— «Замещение по тиофильной группе представляется нам перспективной работой. Поэтому ученый совет Массачусетского технологического института уполномочил меня предложить вам отдельный контракт по исследованию нуклеофильного замещения по тиофильной группе на двести тысяч долларов в год. Искренне ваш, доктор Рональд Дж. Браун».

Гвалт длился минут пять. Наконец стих.

— Сергей Николаевич, — обратился профессор к Потапову, — конечно, вы понимаете, что эксперименты, проведенные в Америке... это пока говорит лишь о том, что в определенных условиях, при определенном воздействии замещение все-таки идет. Ну, положим. Однако оправдывает ли последнее Алексея Мамкина, который утверждает, что сам

ФАНТАСТИКА

провел эту реакцию? Где его величество факт? Вы сказали, что располагаете каким-то доказательством. Вы можете его предъявить?

Потапов кивнул и достал из портфеля стеклянный бюкс, точь-в-точь как тот, в котором у Мамкина хранился продукт реакции, даже этикетка была такой же.

— Что это? — вырвалось у Натальи Сергеевны. — Как вам не стыдно, Сергей Николаевич? Вы уже и до воровства докатились!

— До воровства? А что я украл?

— Вы еще спрашиваете! А где вы взяли этот бюкс?

— Этот бюкс мне дал Мамкин. Я попросил его подобрать точно такой же, какой вместе с продуктом замещения странным образом у него исчез, сделать точно такую же этикетку, написать точно такое же название. Поэтому я ничего не украл. Но почему, Наталья Сергеевна, вы так разволновались? Уж не причастны ли вы к исчезновению продукта? Вы, видимо, подумали, что это тот самый, который стоит у вас в сейфе?

Наталья Сергеевна резко встала и, бросив на Потапова возмущенный взгляд, вышла из зала.

— Нет, это другой бюкс, — продолжил Потапов, — но внутри него действительно находится продукт замещения. Только получен он не Мамкиным. А вот результаты его анализа — посмотрите на диаграммы! — этот факт доказывает его правоту.

— Поясните! — заинтересовался профессор.

— Когда Мамкина попросили воспроизвести опыт, у него ничего не получилось. Во время проведения реакции он находился в весьма подавленном состоянии. Именно поэтому реакция не пошла. Но это было тогда, а вот этот продукт, — Потапов приподнял бюкс, — получен в присутствии двух квалифицированных химиков и еще одного человека, мягкого, доброго и в тот момент находившегося в приподнятом состоянии духа. Это моя жена, художник. Вот, как я считаю, ключ успеха! Значит, реакция замещения может идти в обычных условиях, но ее исход зависит от душевного состояния экспериментатора. Если это сопоставить с результатами американцев, то получается, что душевное состояние — совершенно материальная вещь. И нельзя сказать, что она не имеет к нам никакого отношения. Американцы раскачали реакцию с помощью биоизлучений, генерированных прибором, а Мамкин и моя супруга — с помощью своих собственных излучений. Можем ли мы утверждать, что доброта нематериальна? Ведь она — своего рода программа поведения человека. Можем ли мы утверждать, что программа нематериальна? Как программист, я заявляю: не можем. Важно, куда у вас направлена стрелка — на себя или от себя.

